

Л.И. ГНУТОВА,
Б.Н. ПРОЦЕНКО

К ИЗУЧЕНИЮ ДОНСКОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ: ПРАЗДНОВАНИЕ НОВОГО ГОДА

Условия формирования казачества – обрыв земледельческой культурной традиции, не востребованной на просторах Дикого Поля в XVI – XVII вв., преимущественная занятость казаков-рыцарей военной службой и охраной южных границ Московского государства, «походами за зипунами» на сопредельные и более отдаленные земли недругов-иноверцев, охотой и рыболовством для собственного пропитания и подобными делами – не могли не сказаться на календаре и сопутствующих ему обрядах и фольклорных текстах. Прежде других из календаря уходили даты, связанные с сельскохозяйственными работами на исконно русских территориях, поскольку они не совпадали по времени с этими же действиями на Дону: первый выгон скота, например, в центральных областях России приурочивался к Егорию (Юрьеву дню – 6 мая), на донских землях – к более раннему сроку. Вслед за Ариной-рассадницей, Иовом-горошником, Степаном-сеновалом здесь забываются праздники первой борозды и уборки урожая (а также всё, что помещается между этими полюсами), обряды вызывания дождя (а нужен ли он казаку, живущему под открытым небом в чистом, не тронутом плугом поле?), песни-веснянки и другие традиции земледельческой Руси. Даже XVIII век, открывший дорогу донскому земледелию, животноводству, садоводству и виноградарству, не изменил ситуации с народным календарем, более того, жестко переориентировал годовое времяисчисление.

Значимыми точками годового цикла становятся православные праздники, прежде всего двенадцатые, по которым донские казаки отсчитывают время: как сакральное, сопровождаемое обрядовыми действиями – христианскими и языческими в их контаминации, – так и профанное, связанное с той или иной работой в поле. Эту двойственность донского календаря, расплодление, расчленение сакрального и профанного времени зорко

подметил М.А. Шолохов: «От Троицы только и осталось по хуторским дворам: сухой чабрец, рассыпанный на полах, пыль мятых листьев да морщиненная, отжисшая зелень срубленных дубовых и ясеневых веток, приткнутых возле ворот и крылец». Можно не описывать самого праздника, но он явлен в своей народно-православной ипостаси. И далее – о земном: «С Троицы начался луговой покос. С самого утра зацвело займище праздничными бабьими юбками, ярким шитвом завесок, красками платков. Выходили на покос всем хутором сразу. Косцы и грабельщицы одевались будто на годовой праздник (т.е. двенадцатый православный – и равенство, и различие, и слияние двух времен в этом скрытом сравнении. – Л.Г., Б.П.). Так повесть исстари» [Шолохов 1998, 42].

Шолоховское «исстари» имеет прямое отношение к анализируемой нами теме. С одной стороны, «исстари» – это с XVIII в., когда Москва перестала кормить Дон и казак поневоле превратился в воина-земледельца. С другой – это время зарождения донского казачества и начала этногенеза, когда одним из главных этноопределяющих признаков, наряду с русским языком, собственной территорией – Землей войска Донского и оригинальной, маскулинной по своему характеру духовной культурой, становится православие. Оно остается неизменным спутником донских казаков в течение всей их истории, вобравшей в себя и трагедию утраты государственности, и благодатный расцвет форм духовной культуры, связанный с переходом к оседлому образу жизни и возрастаньем роли казачки в семейно-бытовом и обрядовом укладе бытия.

Донской календарь начинается с Рождества Христова, вслед за которым выстраиваются в ряд Крещение, Пасха, Троица и Покров. Это праздники, связанные как с христианскими, так и с языческими мотивами и обрядами, представлены различными фольклорными текстами, играми, развлечениями, особой пищей и др. В меньшей степени обрядность характерна для таких православных праздников, как Средокрестье, Сороки (день Сорока мучеников), Вербное воскресенье, Фомина неделя, Спасовка, Преполовенье. В большей степени выражен церковный характер Успения и Рождества Богородицы, Благовещения, дней Георгия Победоносца и так называемых осенних Малых Святок. На Дону значительно редуцированы праздники

Николаи Вешнего и Зимнего, Ивана Купалы, Ильин день, Воздвижение и некоторые другие, знаменательные для православных. Особое место в донском календаре занимают Новый год и Масленица.

Остановимся на праздновании Нового года. С ним и на Дону, и в России вообще очень многое связано. Начало года с 1 января установлено Петром I. Праздник носил светский характер, но еще в языческие времена этот день следовал за так называемым *корочуном*, периодом самых коротких дней в году, после которого солнце поворачивало на весну. Это означало для славянина-земледельца начало нового хозяйственного годового цикла – явный повод для празднования. Православные отмечают 1 января день Василия Великого, архиепископа Кесарийского, а его канун называют «Святым» или «Щедрым» вечером. В 1918 г. Новый год был перенесен на 13 дней вперед, в результате чего он стал предшествовать Святкам. Всё, что раньше было целесообразно устроено, враз нарушилось, вызвав путаницу светских, языческих и православных обычаев: под Рождество обсыпают зерном дома и одновременно «христославят», на старый Новый год гадают, хотя это обычай крещенского сочельника... В одно время и на одном месте могут петь щедровки, колядки, тропари и кондаки – кто что помнит, то и поет. Это наследие XX в. усугубилось у донских казаков их безразличием к сельскохозяйственной обрядности. Этнографические и фольклорные тексты рисуют весьма пеструю и неоднозначную картину, но по мере накопления новых фактов она становится всё более понятной.

Совершенно очевидно, что человек, обладающий пассионарностью и любой ценой стремящийся к абсолютной свободе, приходил на Дон, землю обетованную для вольнолюбцев, уже вполне сложившейся личностью, имеющей обрядовый опыт и свой фольклорный репертуар. Судьба этого багажа во многом определялась тем, на какой донской территории селился пришелец. Если на Нижнем Дону и Северском Донце строго соблюдали запрет на земледелие и животноводство, то верхнедонские, хопёрские, медведицкие и чирские казаки-первопоселенцы, осев на Дону, нередко перевозили на новую родину семью, перетаскивали скарб, посевной материал, перегоняли рабочий скот, незаметно распаивали удобный клочок земли и пыта-

лись совмещать хлебопашество и военную службу. На таких «диссидентов» обрушивался гнев богатых низовцев, но искоренить тягу к привычным занятиям не могли ни угрозы, ни карательные акции. В таких местах, трансформируясь, приспосабливаясь к новым условиям, продолжали существовать хозяйственные обряды и сопутствующий им обрядовый фольклор, хотя далеко уже не в тех масштабах, что на Рязанщине или Новгородчине, откуда могли быть родом «степные рыцари». Еще в 2001 г. в х. Алдабульский Дубовского р-на¹ авторам статьи удалось услышать рассказ местной жительницы о том, как ее мать с подругами в сильную засуху, взяв на коромысла ведра с водой, отправлялись на кладбище, чтобы разрыть там могилу «заложного» покойника и вылить в нее воду, вызвав тем самым благодатный дождь.

На Нижнем Дону и Донце весь приобретенный в метрополии обрядовый и фольклорный опыт либо пропадал втуне, либо трансформировался, менял жанровую принадлежность. Исключения вроде праздника плодородия в ст-це Калитвенской на Северском Донце (там на Красную горку женщины «*водят танки*» и «*шьют Хваме штаны*», чтобы «*лён долгим рос*» [Проценко 1995]) лишь подтверждают правило.

Отличительной чертой славянского обряда встречи Нового года («страшные вечера» с 1 по 6 января по старому стилю: «ряженье в звериные шкуры, маски тура, обряды заклинания скота» [Рыбаков 1981, 431]) был маскарад колядующих и щедрующих, вплоть до XX в. сохранявшийся на исконно русских землях и у украинцев (хождение со звездой, с козой, вывернутые тулупы, маски и т.п.). Донские казаки, похоже, не придавали этому элементу обряда существенного значения, потому что до нашего времени дошли лишь отголоски традиций: «*На Новый гот эта ужэ щидроуцики. И наряжаюца, и мажуца. Хто какую маску прыдумаить, то и зделаеть. Мая мама, помню, izdelala masku iz gusinyx per'yeu: zuby, tut glaza kakishi-ta, a tut sh'z'rsti, s' sh'ernaj, s' avecij izdelala shapku*» (зап. Л.И. Гнутовой от И.П. Жужневой, 1926 г.р., х. Новороссошанский Таинского р-на [АЛГ]). Другие информанты уделяют меньше внимания деталям: «*Пад Новый гот прыабражалісь там, штобы іх ні ўгады-*

¹ Земли бывшего 2-го Донского округа.

вали. Надивали разную щитуху: то палушунки вывирнуть, то ишо чё-нить. Ну, проста пирибярца» (зап. Л.И. Гнутовой от М.С. Путьгиной, 1917 г.р., х. Трофимов Константиновского р-на [АЛГ]); «Арсентю славють, маски пынадявають – мордай в акно. Тольки мушцыны, – а далее весьма любопытный мотив: Я адин рас выхадила, вадой йих аблילה – нада так. Хто сумеить. Пышутили» (зап. Л.И. Гнутовой от А.П. Большепаевой, 1918 г.р., х. Лобачёв Обливского р-на [АЛГ]). В песне, славящей «Арсентю» (Авсеня, забытого здесь, а потому и превратившегося в «Арсентю»), колядующие намекают, что от хозяйских подношений зависит благополучие семьи: будуг они щедрыми – у казака родится сын, скупыми – дочка. Ответом могло быть обливание, которое информант считает шуткой, но исходно оно могло иметь магический смысл: пожелание щедрого урожая будущего года – в чем и состоит смысл колядок – предполагает благодатный дождь в нужное время на нужном месте².

В более позднее время переодевание полностью утрачивает обрядовое значение, превращаясь в форму розыгрыша: «Шшыдравать пашли – атец ни угадал. Фсе паубрались: мушцыны – у женскае, баба – у мушское, пыпрышли: хто сыбаку (елочную маску. – Л.Г., Б.П.) надел, хто абизьяну, хто щиво на галаву» (зап. Б.Н. Проценко от П.С. Косенко, 1921 г.р., ст-ца Владимировская Красносулинского р-на [АБП]). Лишь однажды в описании ряженых появляется вполне конкретный образ: «В Новый гот наряжаюца волкам, угацають волка – такой кофш жылезный, набирають квас или вино и волка поють, штоп он ых ни трону» (зап. Б.П. Проценко от Н.В. Трофимовой, 1908 г.р., г. Константиновск [АБП]). Волчий мотив в новогоднем колядовании явно неуместен, на Дону он связан с Крещением, со стрельбой на «иордани» (волки поворачивают на выстрелы шеи и уже не могут выпрямить их), что лишний раз свидетельствует о реальной пуганице ритуалов, обрядов, мотивов, связанных с началом года.

Состав колядующих на Дону жестко не регламентирован, но прослеживается некоторое предпочтение, отдаваемое юношам и

² Подобное обливание на Дону органично входит в обряд вызывания дождя. Можно сказать, что, наряду с крестным ходом, оно и составляет весь обряд, причем наиболее «перспективным» оказывается обливание водой священника или ведьмы.

мужчинам. Так, в х. Лобачёве Обливского р-на «Арсентю» славят лишь мужчины, а девушки ходят славить Христа. Но особенно замечателен следующий рассказ: «Стараюца на Новый гот, штоп первым мальчишки прашли. Кидають йим падушки пат парох. Ани становяца на каленки и пають:

...Где я сам махну – там жыта растёт.
Дева Мария истина сына,
Бога, прасила: "Уради нам, Боже,
Жыта да пышницю,
Гарох-чичивицы..."

На падушках – эта весь гот щастя будить. Нацинають гаварить: "Ху, какие к нам пришли ребята, на падушках пели". Хвастаюца» (зап. Л.И. Гнутовой от А.П. Большепаевой, 1918 г.р., х. Лобачёв Обливского р-на [АЛГ]). Дрезнее представление о мужском оплодотворяющем начале реализуется на Дону приглашением спеть колядку на подушках, набитых, как правило, гусиным или куриным пером: хороший приплод этой домашней живности таким образом надежно обеспечен. Показательно, что сидение на подушках (более прямой вариант – сидение в гнездах, в которых гуси или куры выводят потомство) предлагают лишь первым колядующим. Колядовали и девичьими компаниями («шайками»), которые, судя по сообщениям информантов, обходились «христославием», не затрагивая хозяйственную символику обряда: «А пад Новый гот з дяфчатами хадили. Называли тофсинь. От знаю, пат каждым акном. Мы спросим. Падайдём и стучим: "Можна прыславить?". Славим, а ани нам выносють» (зап. Л.И. Гнутовой от Л.А. Михеевой, 1908 г.р., ст-ца Клетская Волгоградской обл. [АЛГ]). Как видно из примера, название обряда (тофсинь – 'таусень', 'авсень') восходит к колядной традиции, а содержание – к рождественской: «А дяфчата хадили Христа славили» (зап. Л.И. Гнутовой от А.П. Большепаевой, 1918 г.р., х. Лобачёв Обливского р-на [АЛГ]).

Заканчивая обзор состава колядующих, обратим внимание на их поведение после обхода домов: «От пацидрують, а патом вазьмут папиргародють праулки, павытаскують то двери, то варота. Ну, эта давным-давно» (зап. Л.И. Гнутовой от У.М. Курносой, 1917 г.р., х. Чекунов Красносулинского р-на [АЛГ]). «Эта у них тут» (в х. Крюкове

Константиновского р-на. – Л.Г., Б.П.) *так. И трубы затыкали людям. Закроют... Людей губили. Парыламают калитки. И двери ламали. Такая закон. А у нас, у Канстанинауки, Никалацускай, ни у Мариинской этава закона не была никада. А тут заткнуть или закрутют»* (зап. Л.И. Гнутовой от Е.Ф. Беловой, 1913 г.р., х. Крюков Константиновского р-на [АЛГ]). Но в той же Константиновской колядовщики старались что-нибудь стащить у хозяев: бутылку вина или подсолнечного масла, куклу и т.п. (зап. Л.И. Гнутовой от В.Н. Гнутовой, 1922 г.р., г. Константиновск [АЛГ]). «Шалости» молодежи продолжались и в XX в.: «*Пат старый Новый гот* (могут. – Л.Г., Б.П.) *запиреть каво-нить. То у калхози сани конныи вытинут да з гары катаюца. У днаво двери сымут, другому привяжут»* (зап. Л.И. Гнутовой от Г.К. Скакуновой, 1917 г.р., х. Лозной Цимлянского р-на [АЛГ]); «*Раньшы ни пустить щилавека хызлин: настынуть, вроди, – и атказуить. Ани уйдуть и калитку снимут, зытянуть, у калодись там спустют чиво-та. Утрам устают: у мене калитки нету, вон там у калодизи калитка, или зытянуть хтой-зна где найдёца*» (зап. Б.Н. Проценко от Е.А. Яковлевой, 1912 г.р., ст-ца Мелиховская Усть-Донецкого р-на [АБП]); «*На старый Новый гот тут бяды большой ни делали. То заародют чиво-нибудь. А вот щас маладэш пашла. Забор у нас паабламали на Новый гот. Паабдбали да приставляли, пришивали сами. Варвары*» (зап. Л.И. Гнутовой от Е.В. Чиликиной, 1927 г.р., х. Кременской Константиновского р-на [АЛГ]). Справедливость последней оценки «шалостей» колядовщиков одновременно свидетельствует о полном исчезновении обрядового содержания снятия и перестановки ворот, калиток, плетней, похищения вещей и т.п. Действия «варваров» живо напоминают безобразия так называемых «парубочек громад», имеющие инициальный характер [Балушок 1993]. Отколядовав, парни фиксируют рождение нового года обновлением установившегося порядка вещей, «перерождением» того, что неизменно просуществовало целый год. По свидетельствам М.Д. Алубаева, 1942 г.р., А.В. Маханькова, 1953 г.р., в Константиновске желание поозорничать, никак не связанное с обрядом как таковым, в молодые годы возникало у них и их друзей именно в новогоднюю ночь.

Подобная обрядовая интерпретация действий колядовщиков с полученными дарами, которые становятся едой и питьем во время вечеринки после колядования, невозможна. «*А сами патом пажарют сала, вотки вазьмут да пьют»* (зап. Л.И. Гнутовой от А.П. Большапаевой, 1918 г.р., х. Лобачёв Обливского р-на [АЛГ]); «*Шиво там назбирают, патом там вареники варют. У какой-нибудь квартири сабираюца, и пашла-паехала стрипня*» (зап. Л.И. Гнутовой от М.А. и А.С. Евлаховых, 1928 и 1930 г.р., х. Крюков Константиновского р-на [АЛГ]); «*Так уш и биригёт* (хозяин. – Л.Г., Б.П.) *бутылацку, закусацки: калбасину там или вареники дарют, пряма ф кастрюльки кладут. Забирают: ани ни садяца, а патом где-та ужынают сами»* (зап. Б.Н. Проценко от М.М. Коробовой, 1925 г.р., г. Константиновск [АБП]). Исключение, пожалуй, касается подаренного творога, поскольку с ним связано практикуемое и ныне гадание на наступающий год: «*Вечирам хадили, на другой день сабираюца и гуляют. Випука у них и закуски. А варэники варыли сычаж жы. От сыру насабрают, ну, типерь называют творах. Масла таплёная прынисуць рыбагы. Диучаты варют варэники. Часть сварют с сырам, часть ш шэрстыю с авечий, какой-та варэник слетот с мукой и з диньгами. Как с мукой? Он жы гарычий, йиво укусишь, а мука та накалица – пх-х-х. Эта для смеху. А как з диньгами пападёца (питак заложын), денижнны жыних будить. Если з белой шэрстыю, угадывали на валасам, будить рыжый. А если с чёрнай, чёрный жыних. Варэники паидят, а патом сталы набирают и гуляют фсю ночь»* (зап. Л.И. Гнутовой от М.В. Рубашкиной, 1918 г.р., х. Крюков Константиновского р-на [АЛГ]). Как видно, и здесь крещенский обычай сдвинут назад, к встрече Нового года.

Центральным событием новогоднего обряда является колядование и щедрование, т.е. появление в доме группы людей, совершающих песнопение и необходимые обрядовые действия. Как это происходит на Дону?

Колядки, как об этом было сказано выше, сохранились в своей обрядовой функции далеко не везде. Типичнейшая для Дона метаморфоза этих фольклорных текстов – уход в область детского фольклора. Так, в «Тихом Доне» М.А. Шолохова русская колядка «Ко-

лода-дуда» становится колыбельной Дарьи. В рядом расположенных ареалах (ст-цы Обливская, Советская) она воспринимается как детская потешка, причем «колода-коляда» уступает место «козе», «соробе» и другим зоонимам (подробнее об этом см.: [Проценко 2000]). Поразительно подчеркивает судьбу русских колядок бытование названного текста в районе ст-цы Каменской, где он воспринимается как колядка, т.е. в полном соответствии с русской традицией, однако конец текста вбирает в себя и русские, и казачьи мотивы, превращая их в шутку:

- *А игде казаки?*
- *На вайну ушли.*
- *А игде вайна?*
- *У банки на тичи.*

Такие колядки, как «*Арсентя мая, трубасентя мая*» (Обливский р-н) и «*Таусень*» («*Мы хадилы, мы хадилы на фсем на дварам*»), записанный у представителей старшего и среднего поколения в ст-це Клетской (подробнее об этом см.: [Проценко 2002]), существуют и поныне в своем прямом обрядовом значении пожелания будущего щедрого урожая. Того же рода «*Бару*» в традиции казаков 2-го Донского округа: «*Калядавали пад Новый гот тоже, в этот вечер. "Бару" пели раньшы:*

- Ой, бару, бару,*
- Я на краснам бару!*
- Ой, афсень, ой, афсень...*

Ана длинная, я фсю йиё ни знаю:

- Старушка, лесь ф сундуцёк,*
- Даставай питацёк,*
- Угацай гостей.*

И тут прапають эту "Бару" з гармош-каю. Стаять пад акнам, ни стуцать, ничё... Если харашо прапели, хазяин выходит, приглашаить их в дом, угацаить или туда йим выносит. Угастить и вотачкай, и закуски йим даст. Тада ани пашилы г другому. Вот эта называлась калядавания. Пат старый Новый гот» (зап. Б.Н. Проценко от Е.А. Мигулиной, 1924 г.р., ст-ца Маркинская Цимлянского р-на [АБП]). Весь обряд, судя по описанию, сведен к вербальной форме, не сопровождаемой никакими акциями, что подтверждает высказанную выше идею о своеобразии существования колядок на Дону.

Щедровки как тексты новогодней обрядности на Дону связаны с влиянием украинской духовной культуры на донской, казачий, менталитет. Само название обряда и сопутствующих ему текстов в донском диалекте представляется как заимствование из укр. *щедрівка* 'святочная песня, приуроченная к Новому году' [Преображенский 1959, 115 доп.]. Это во-первых. Во-вторых, донские щедровки имеют прямое отношение к празднованию дня Василия Великого, так как они максимально насыщены христианским содержанием, но, что показательно, имя святого вообще не представлено в текстах щедровок, где почти неизменно упоминаются Иисус Христос или Пресвятая Богородица: «*А на Новый гот шишыдравали. Мы гуртоцками сабыралыся и хадилы шишыдравали. Ну, рибяты, диуцаты и идём и стучим. Нам аткрывають или пад акном. И шишадруим:*

- Шшэдра вецир, добрый вецир,*
- Добрым людям на свят вецир.*
- Сел Иисус Христос вищерети,*
- На нём шуба да сабалёва.*
- Шшэдра вецир, доброй вецир,*
- Добрым людям на здароуя.*
- К нему пришла да Божья Мати.*
- Шшэдра вецир, доброй вецир,*
- Добрым людям на здароуя.*

(Зап. Л.И. Гнутовой от Н.Г. Ивановой, 1912 г.р., х. Кременской Константиновского р-на [АЛГ]).

Встречаются контаминированные тексты, в которых христианские мотивы соседствуют с колядной тематикой: «*Приходють и кылядують. Ани:*

- *Госпади Исусе Христе, сыне Божый! Пустити пацидравать.*
- *Аминь!*
- *Ну, спаси Христос за "аминь", –*

и нацинають щидравать:

- Варяшки-рецьки маи,*
- Да святыый вецир, добрый вецир,*
- Добрый вецир на свят вецир.*
- Мати Мария пышынцу сея.*
- Святыый вецир, добрый вецир.*
- Пыслали пысла, свитава Илья.*
- Святыый вецир, добрый вецир,*
- Добрым людям на свят вецир.*
- Я ни буду да я прибуду,*
- Я у поли да стиригу я*

*Жыта-пшаницу,
Святый вецир, добрый вецир,
Добрым людям на свят вецир.
Святый вецир».*

(Зап. Б.Н. Проценко от Е.Г. Яковлевой, 1912 г.р., ст-ца Мелиховская Усть-Донецкого р-на [АБП]).

В донской традиции опускаются имена христианских святых (как бы забывается «щедрый, святой вечер»), но усиливаются мотивы, связанные с будущим щедрым урожаем, хотя в тексте этот мотив может быть представлен иносказательно:

*Сеим-веим, пасиваим,
С Новым годом паздравляим
И добра вам усем жылаим.*

(Зап. Л.И. Гнутовой от Н.Г. Ивановой, 1912 г.р., х. Кременской Константиновского р-на [АЛГ]).

На Дону щедровки довольно легко принимают семантику колядок, в которых основным содержанием становится намек на вознаграждение в связи с поздравлением:

*Я пан, пан, пан,
Ты выниси нам, нам, нам
Хоть краиначку, пылавиначку,
Хоть краюшычку.
А краюшки мала –
Хоть кусок сала.*

(Зап. Л.И. Гнутовой от Н.В. Фомичевой, 1929 г.р., х. Старозолотовский Константиновского р-на [АЛГ]).

В хуторах и станицах Дона и сейчас встречаются старые казачки, сохранившие целый репертуар щедровок, каждая из которых исполнялась при определенных обстоятельствах. В п. Тацинский казачка похвасталась: «Я фсе щидроуки знаю: и "Жыдовья", и "Ясный месяц", и абыгрывать знаю». Из напетых четырех текстов первый («На свитом мести пустыня стаяла») является рождественским «христославием», второй («Вы, жыдовья, измуценья хатяты») представляется духовным стихом, более уместным в пасхальном цикле, а остальные «обыгрывают» юношу и девушку, подчеркивая их замечательные качества, причем эти тексты начинаются одинаково («Ишо ни раным куры запели»), но обязательно содержат рефрен «Святой вечер...». Здесь в новогоднюю тематику

явно вклинились песни другой жанровой окраски: так обычно на Дону «обыгрывают» невесту или жениха. О девушке-казачке в щедровке напето:

*Раным Наташа уставала,
Наташа уставала, косу заплитала,
Плаття надивала, к абедни шила,
К абедни шила, как пава пльыла,
На крыласи стаяла, жынихоу выбирала.
Вот мой жынишоуцик, красный паноуцик.*

А вот портрет юноши-казака:

*Колюшка уставал, галоуку щисал,
Галоуку щисал, у канюшню ишол.
Он каня сидлал,
Коника сидлал, у поля йижжсал.
У поля йижжсал, бил лисиц и кунци.*

(Зап. Б.Н. Проценко от Н.Н. Викторенковой, 1904 г.р., п. Тацинский [АБП]).

Такие песни более уместны во время Покрова (казаки шутят: «Пришла Покрова – заревела девка как корова»), т.е. засобиравшись замуж) или в момент отправления «храброго поезда» жениха за невестой. Мы привели их здесь, чтобы еще раз подтвердить тезис о сложной структуре новогодних праздников на Дону.

Литература

Балушок 1993 – Балушок В.Г. Инициации древних славян (Попытка реконструкции) // Этногр. обозрение. 1993. № 4. С. 57–66.

Преображенский 1959 – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 2.

Проценко 1995 – Проценко Б.Н. Донской обряд плодородия: своеобразие и традиции // Этногр. обозрение. 1995. № 1. С. 45–52.

Проценко 2000 – Проценко Б.Н. Фольклор в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» и духовная культура донских казаков // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2000. № 2. С. 8–12.

Проценко 2002 – Проценко Б.Н. Две авсненские песни на казачьем Дону // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. мат. науч.-практ. конф. М., 2002. Вып. 4. С. 33–39.

Рыбаков 1981 – Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Шолохов 1998 – Шолохов М.А. Тихий Дон. Ростов-н/Д., 1998. Т. I.

Список сокращений

АЛГ – архив Л.И. Гнутовой.
АБП – архив Б.Н. Проценко.